

К ВОПРОСУ О КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ВО ВРЕМЕНА СТЕЛЛЕРА

Аннотация. *Статья посвящена осмыслению роли конфессиональных контактов в диалоге культур, начавшемся, конечно, не в XVIII в., но обретшем научное осмысление благодаря усилиям российских и иностранных исследователей «во времена Стеллера».*

Ключевые слова: XVIII век, Сибирь и Дальний Восток, Г. В. Стеллер, диалог культур.

Abstract. *Articles devoted to understanding the role of confessional contacts in the dialogue of cultures, which, of course, did not begin in the XVIII century, but gained scientific understanding thanks to the efforts of Russian and foreign researchers „in times of Steller”.*

Key words: XVIII century, Siberia and the Far East, G. W. Steller, the dialogue of cultures.

Речь пойдет о том пространстве и времени, когда жил и действовал Г. В. Стеллер. Будучи воспитанным в ценностях протестантской этики (родился в семье служителя церкви в г. Бад-Виндсхайм и обучался в нескольких протестантских университетах), он оставался ее приверженцем в период своего пребывания в российском пространстве и даже в путешествии на северо-запад Американского континента. Дело в том, что религиозное самоопределение исполняет важную культуротворческую миссию как для самого индивида, так и для его окружения. Нравственные ориентиры отражаются в типологии и образах мышления, поступках верующих и тех, кого русские относили к обезличенным «бусурманам» и «немцам».

В Российской империи православие являлось государственной религией, а Русская православная церковь (РПЦ) активно боролась с «раскольниками», ограничивала права мусульман, католиков, иудеев, буддистов и других «иноверцев». А среди обобщенно именуемых «немецкими людьми» были представители разных деноминаций, но доминировали лютеране. К ним принадлежал и Г. В. Стеллер, обучавшийся теологии в Francishe Stiftn — признанном центре пиетизма.

Н. Охотина-Линд считает, что деятельность РПЦ в тот момент проникнута духом экуменизма [3, с. 134], но это мнение не соответствует действительности: гонения на старообрядцев, снос мечетей, ограничения для иудеев — реальность всей первой половины XVIII в. Да и ряд чиновников, как, например, начальник Охотского порта Г. Г. Скорняков-Писарев подговаривал охотского священника Анисима (Аврамова) препятствовать использованию М. Шпангера в качестве крестного отца при крещении православных младенцев.

По отношению к протестантам иерархи РПЦ вынужденно вели сдержанную политику, поскольку со времен Алексея Михайловича в страну приезжали офицеры и медики, а Петр I и последующие правители приглашали сотни специалистов различных направлений. Они отправлялись миграционными потоками в разные регионы, в том числе в «новые», активно осваиваемые политически и экономически.

И все же во второй четверти XVIII в. в рассматриваемом регионе происходила кардинальная смена духовных ориентиров не только среди элиты. Прозелитизмом здесь заниматься могли только православные, ограничивая духовное влияние редких здесь священников других конфессий «своей» паствой, поддерживая (с учетом своих предпочтений) «равновесность» этноконфессиональной сферы.

Затронула эта тенденция и Сибирь, куда отправилась Великая Северная экспедиция, пополненная иностранцами, занимавшими как рядовые, так и командные должности. Был в составе экспедиции пиетист К. Э. Миллиес, который должен был духовно окормлять лютеран

и желал миссионерствовать¹. Немало среди участников тех, кто, не являясь ученым, собирал разнообразную информацию и коллекции предметов.

Духовное самочувствие иностранцев зависело от возможностей исповедания, отношения к ним властей (соблюдение религиозных прав гарантировалось государством и оговаривалось при отъезде в Россию) и окружающих людей. В условиях компактности проживания в немногих городах и числа находящихся в составе экспедиционных отрядов уроженцы Западной Европы культивировали такой же культурный шаблон, что лишь в деталях отличался от православной интерпретации. Это объяснимо: «любые старые мифологические традиции прочнее удерживались там, где <было> минимально (или отсутствовало) влияние мировых религий» [2, с. 185].

Понимание местной этноконфессиональной специфики у многих европейцев отложилось в шаблон „Oriens”, весьма отличающееся от „Occidens”. В свидетельстве оказавшихся в азиатском пространстве немного объективности. Ошибался и командор В. Беринг, причисляя во время Первой экспедиции якутов к мусульманам.

Подготовленные относительно лучше (в научном и методическом отношении, и во многом благодаря сформулированным Г. Ф. Миллером задачам и Вопроснику) участники Академического отряда Второй Камчатской экспедиции были более беспристрастны в оценке встреченных культурных феноменов. Тем не менее, не все оказавшиеся в отрядах иностранцы смогли различать духовные практики, причисляя многих встреченных ими нехристиан к «язычникам» [1, с. 19, 90].

Толерантность определялась конкретными условиями: В. Беринг ходатайствовал об открытии странноприёмного дома и школ в Якутске, Охотске и на Камчатке; иностранцы выступали крестными при крещении по православному обряду младенцев и даже взрослых [3, с. 136].

Таким образом, конфессиональный диалог был не до конца реализован, а в ряде случаев был невозможен из-за господствующей парадигмы и местных обстоятельств. А полноценный диалог невозможен, если не все участники оказались готовы к нему по разным обстоятельствам.

Список литературы

1. *Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Мёллер. М., 2001. 640 с.*
2. *Неклюдов С. Ю. Мифология тюркских и монгольских народов (проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 183–202.*
3. *Охотина-Линд Н. Роль Второй Камчатской экспедиции в организации Камчатской духовной миссии // «Камчатка — Россия — мир: забытые имена»: докл. Междунар. истор. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2020. С. 134–141.*

¹ Не случилось — по дороге сошел с ума и был отправлен в г. Санкт-Петербург.